

А.Ф.Борун

Самангелы

18+

Александр Феликсович Борун Самангелы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63074386

SelfPub; 2020

Аннотация

Вы – честный политик (как ни смешно такое сочетание). И к вам на приём пришёл, ну, допустим... волшебник. Которому, как он говорит, нужна помощь политика. Именно честного. Взамен он обещает целую Вселенную, нет, две Вселенных! Попав в такую ситуацию, нелишне вспомнить о сыре и мышеловке.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Александр Борун

Самангелы

Как этот посетитель прошёл к ней в кабинет, Уля¹ не поняла. Секретарша, пусть она и работает на общественных началах, не должна была его пропускать. Обёрнутый чем-то вроде древнеримской тоги молодой человек с глазами навывкате, в которых плескалось безумие, с полной громадного чувства собственного достоинства тихой речью – совершенно непонятно, как он прошёл мимо Риты. Хорошо ещё, если это у него тога, подумала Уля. Сперва ей показалось, что это какая-то занавеска. И что, вполне вероятно, под ней у него ничего нет. Тем более, что он босиком. Пусть занавеска алая, бархатная и расшитая золотой нитью. Но большая золотая с рубинами, сапфирами, изумрудами и бриллиантами пряжка, так и брызгавшая острыми разноцветными лучиками – как её? фибула? – скреплявшая на плече это одеяние, версию о занавеске опровергала. Всё равно, как ни крути, это был наряд сумасшедшего. Или актёра в роли древнего римлянина, но даже те ходили, по большей части, в сандалиях. Да и что делать в её кабинете актёру в сценическом образе? Тут что, театр?

– Как вы сюда попали?! – возмутилась Уля. Возмущение

¹ Ульяна Августовна Изголыгина, функционер партии «За местное самоуправление», народное название – самоуправцы.

было больше показное: она давно привыкла, что люди идут со своими проблемами – и, по большей части, с такими, с которыми нужно идти совсем не к ней. Им-то откуда это знать? С другой стороны, нельзя же относиться к такому беспардонному вторжению как совсем обычной вещи.

Посетитель слабым движением кисти отмёл вопрос как совершенно несущественный.

– Я принёс тебе благую весть! – негромко, но очень внушительно провозгласил сумасшедший, без спроса сядясь напротив неё, так что их разделял только её стол.

И она моментально забыла о своём риторическом вопросе.

Для того, чтобы так усесться, этот псих проделал нечто до предела странное. Вернее, даже не он проделал – оно как-то взяло и сделалось.

Он пошёл от двери прямо к ней, а за ним сам собой двинулся стул, стоявший у стены, тот, что был ближе всех к двери. Ехал он не рывками, в такт шагам человека, как было бы, если бы тот подцепил его какой-то крючочком с тонкой малозаметной верёвочкой, а плавно, как бы совершенно по собственной воле. Но, поскольку это на самом деле был блок из четырёх стульев, все они за ним и поехали, перекошенной шеренгой, с выбранным стулом впереди. Скользили легко, не громяхая по паркету: стулья в этом кабинете двигали часто, и на их ножки были предусмотрительно наклеены мягкие наконечники.

Но это ещё походило на ловкий фокус, а вот дальше началось нечто совсем запредельное. На пути психа был длинный обставленный стульями стол для совещаний, примыкающий торцом к середине её стола. Этот стол при приближении безумного посетителя раздвинулся сам собой на две продольных половины, отодвигая и стулья. Как будто состоял с самого начала из этих двух половин, состыкованных продольно. Хотя Уля точно знала, что это не так. Да и какая разница, так или не так, если при расползании в стороны половины дубового стола изгибались, как резиновые? А когда остановились, освободив проход, не стали падать, хотя у каждой из них был только половинный комплект ножек? Меж тем стулья, те, что ползли за посетителем, наткнулись на края обеих половин длинного стола – образовавшийся проход был рассчитан на один стул, а не четыре. Посетитель не обернулся и, казалось, вовсе не обратил внимания на помеху, но стулья мгновенно разъединились, точно так же, как стол. И выбранный стул на двух левых ножках въехал в проход, а остальные остались стоять на двух правых, расположенных на краю всего бывшего блока стульев. Мебель, заразившаяся от посетителя безумием, и не думала падать или хотя бы перекашиваться. Выбранный стул устоял на левых ножках, когда на него безмятежно уселся этот псих, остальные три на правых – тоже, хотя уж их-то он точно не придерживал.

– Что вы... что вы делаете? – растерялась Уля. Фразу посе-

тителя она пропустила мимо ушей, занятая мыслями о том, что и секретарше этот гипнотизёр, должно быть, показал какой-нибудь фокус, а также о том, с какой просьбой мог к ней явиться столь оригинальный тип, которому, согласно выбранному им сценическому образу, не нужно ни к кому обращаться ни с какими просьбами. Даже мебель послушно выполняет его желания. С другой стороны, сама она – не мебель. И бюрократы, с которыми ей приходится иметь дело, не все имеют дубовые головы. Наверное, он не смог получить разрешение на выступление в оригинальном жанре в каком-нибудь большом зале – при этой кормушке имеется своя чиновничья кодла, и общая, и при каждом зале. Тогда он зря припёрся – Уля не имеет к этим людям отношения и не обладает никаким влиянием на них. Возможно, она могла бы через каких-нибудь знакомых приобрести парочку билетов на концерт, но не больше.

«Римлянин» понял, что она его не услышала, отвлечённая получившимся представлением.

– Ну вот, – огорчился он, –ходишь как нормальный человек – не принимают всерьёз,ходишь так, чтобы сразу показать, кто ты есть – принимают слишком всерьёз. И хоть так, хоть этак – совсем не слушают. Даже смешно. (Никакого веселья в его голосе не было, скорее, он выражал досаду). Не волнуйся ты так, это всё ерунда, легко вернуть как было. Лучше послушай. Я принёс тебе благую весть. Ты избрана, чтобы присоединиться к нам. Такое предложение –

очень большая редкость! (Уля молчала, ещё не сформулировав новых вопросов, но, видимо, на взгляд посетителя – молчала как-то отрицательно). Вот вижу, ты меня опять не слушаешь, наверное, хочешь, чтобы я рассердился. Но тогда все эти фокусы, – он демонстративно бросил по взгляду направо и налево, на раздвинувшийся стол, – покажутся детскими цветочками. Ты этого хочешь?..

Не успела она ответить, как всё исчезло, сгнули половинки стола для совещаний, плоскость её собственного стола испарилась из-под рук, распахнулись и куда-то исчезли стены и улетел потолок кабинета... Пространство раздвинулось во все стороны, вширь, ввысь, и даже в направлении вниз: они оказались на вершине горы. Не на пике, но почти – на остром гребне, по правую сторону от которого начинался почти отвесный, как показалось Уле, склон в глубокое ущелье, а по левую – не такой вертикальный, но тоже под большим наклоном – примерно как эскалатор в метро – спуск в... кратер вулкана.

Причём этот вулкан как раз сейчас извергался. К счастью, вулканические бомбы из него не летели, пепел и газы тоже, только сверху нависала большая чёрная туча, свидетельствуя о том, что недавно всё это могло быть. Сейчас извержение шло в виде раскалённой лавы. Но и лава пока тоже им не угрожала, она текла из кратера в другую сторону: недалеко от них – за спиной у психа – в стенке кратера, на гребне кото-

рой они, оказывается, находились, было относительно низкое место, или даже пролом. Но жидкий камень и так, на расстоянии, обжигал тепловыми лучами лицо и кисти рук, будучи в самых горячих местах даже не красного, а жёлтого цвета. Уля поспешно спрятала кисти рук в карманы пиджака, а лицо отвернула от кратера, в сторону ущелья, вынужденная глядеть на посетителя искоса.

К счастью, стулья, на которых они сидели, не исчезли вместе со всем кабинетом. Или, вернее, вместе с их задницами исчезли из кабинета, оставшегося неизвестно где, когда они перенеслись вместе со стульями на вулкан. Это было очень хорошо, что стулья за ними последовали, а то, оказавшись в положении «сидя на воздухе», легко было бы булькнуть в кратер и с шипением там испариться, или скатиться кувырком в ущелье и там разбиться вдребезги.

Уля испуганно оглянулась. Сзади неё ничего страшного не было. Там продолжался край кратера. Так что главное было – не падать вправо или влево. А вот психу следовало бы позаботиться ещё о том, чтобы не падать назад. Но он совершенно не обращал внимания на то, что лава у него не с одной стороны, а с двух.

– Осторожно! – воскликнула Уля, – у вас сзади тоже опасность!

– И опять ты не о том, – удивился псих. – Ну уж к этому-то моменту ты должна была понять, что лучше меня не сердить?

– Не понимаю, – удивилась и Уля, – что я плохого сказала? Наоборот, предупредила вас об опасности...

– Я желаю обсуждать с тобой ту тему, с которой пришёл, – веско произнёс псих, кладя ногу на ногу и предъявляя, к очередному Улиному удивлению, подошву с совершенно не загрубевшей кожей никогда не ходившего босиком человека. Тем более, по горам и вулканам. – А ты всё время отвлекаешься на второстепенные неважные обстоятельства. Будешь ты меня слушать, наконец, или я ещё больше огорчусь, и мы сейчас же попадём в ещё более неуютное место, э?..

Уля поняла, что в отношении этого психа действует общее правило «не возражай сумасшедшему!». В конце концов, если он не хочет слушать предупреждений, и из-за этого навернётся в лаву (кстати, стул-то у него по-прежнему стоит на двух левых ножках!), она окажется, возможно, не в большей опасности, чем сейчас, когда он может скинуть её туда сам, если ему что-то придётся не по нраву. Непредсказуемо, ни с того, ни с сего. Правда, непонятно, как отсюда слезать в ущелье и есть ли из него выход к каким-нибудь обитаемым местам. Ясно только, что пробираться по ущелью нужно не в ту сторону, где в него лава течёт, а в противоположную. Или неясно? Вдруг там как раз вообще выхода нет, тупик, а мимо лавы, уже несколько остывшей в ущелье, как-то по стеночке пробраться можно? Если там ущелье широкое. Главное, спуск найти... Но пока что он не свалился, и лучше постараться его не раздражать.

– Извините, я не сразу поняла, – сказала она вежливо. – Конечно-конечно, я готова вас выслушать. Вы сказали, что я куда-то избрана, но пока не объяснили, куда.

– Я сказал, куда – присоединиться к нам, – возразил псих. – А по моему поведению ты уже могла догадаться, к кому это – к нам. Мы – по вашей терминологии, волшебники. Маги, колдуны, и так далее. Но я могу объяснить подробнее, тем более, что ты могла придумать и другие варианты: гипнотизёры, фокусники... – он выразительно скривился. Видимо, гипнотизёров и фокусников взаправдашний волшебник ни в грош не ставил.

Неожиданно оказалось, что они опять в кабинете. Правда, стол по-прежнему пребывал в расщеплённом состоянии, и разъединённая четвёрка стульев – тоже, но ведь это такие мелочи! Главное – они на Земле, в Москве, в известном ей месте, а не неизвестно где. Уле показалось, что в кабинете очень холодно. То ли по контрасту с близкой лавой, то ли их исчезновение и появление каким-то образом охладило воздух. Что-то такое было в каком-то фэнтези... Она опять сунула в карманы вынутые было оттуда руки.

– Колдуем мы не сами по себе, усилием воли. Так это не работает. Мы обращаемся к особой энергии Вселенной. Можно назвать эту энергию магической, в вашей терминологии. За давностью лет неизвестно, кто научился делать это первым, и как. Сейчас новые волшебники появляются только таким путём, что любой из нас может научить это делать

обычного человека. Никакого насилия над личностью, просто открывает свои мысли и показывает. У нас вообще нет никакого насилия над личностью, – с гордостью провозгласил псих. Или, вдруг, не псих?!

– Подчёркиваю – только таким путём. Самостоятельно давно никто научиться не может. То ли в структуре вселенной что-то изменилось, то ли этот, первый маг был таким редким талантом, который больше не повторяется. И это хорошо. Потому что мы иницилируем новых волшебников очень редко, – продолжал он. – Нас и так многовато скопилось. Ведь мы, разумеется, бессмертны. Настолько многовато, что это порождает трудности и проблемы. И физики с математиками пока что не смогли их преодолеть. Вот поэтому некоторые из нас, а именно, я и двое моих друзей... не то чтобы друзей до гроба, тем более такого у нас и не бывает, я имею в виду, не бывает гроба... но, по крайней мере, союзников в данном вопросе... троих, надо сказать, вполне достаточно для действий, потенциально затрагивающих всё наше сообщество... в частности, для приглашения в него нового человека... Мы решили попробовать привлечь к преодолению этих трудностей и проблем профессионального политика. До сих пор их среди нас не было. Конечно, годился не всякий политик, наоборот, подавляющее большинство из них к такому могуществу нельзя и на пушечный выстрел подпускать, но ты оказалась нам достаточно добросовестным человеком, ты ведь попала в политику из нау-

ки достаточно случайно, подчиняясь, вероятно, повышенному чувству ответственности... и ещё не успела, так сказать, профессионально деформировать себе совесть. Так что ты – редкий политик, который не будет в любой ситуации прежде всего искать личной выгоды...

Уля загордилась было, но ту же одёрнула себя: слишком непонятная ситуация, чтобы всерьёз воспринимать оценку каких-то неизвестных. Неясно, прежде всего, в порядке ли у них с психикой. Если даже допустить невероятное – что это всё не гипноз и не действие какого-то незаметно подброшенного наркотика, и волшебники они настоящие, это не значит, что они одновременно в здравом уме. Может, большинство из них вообще ничего не соображает, как струльбруги у Свифта. Ведь бессмертие, наверное, располагает к такому. Кроме того, из загадочности ситуации следует, что и польстившая ей, как политику и как человеку, оценка может оказаться неискренней, высказанной только для того, чтобы побудить её к каким-то действиям. Проще говоря, расчитанной, хоть и грубой, лестью. Лучше пропустить мимо ушей. А то заслушаешься этого лиса и сыр выронишь.

– А в чём именно состоят упомянутые вами трудности и проблемы? – спросила Уля. – Может, я не смогу с ними справиться?

– Может, – согласился посетитель. – Такой риск, естественно, присутствует. Но, на взгляд нас троих, он оправдан, потому что и шанс тоже есть. На самом деле всё ещё хуже.

Ты легко можешь догадаться, что, раз проблемы связаны с перенаселённостью, появление ещё одного мага только усугубит их. Причём это необратимое действие. Но, повторяю, есть шанс, что мы не видим какой-то иной тактики, которая могла бы привести к успеху. Тактики в области политики как раз. Пока что никакими мерами, принятыми в нашем сообществе, мы не смогли добиться полного прекращения поступления к нам всё новых членов. Может, тут требуются какие-то политические мероприятия? Или реклама? Хитрая непрямая пропаганда? Прямые призывы мы пробовали в самом начале.

– Вы сказали очень много, – отметила Уля, – и за все эти сведения большое вам спасибо, но на мой вопрос вы не ответили. Или я его так плохо сформулировала, что его смысл трудно понять. В чём же всё-таки состоят ваши трудности? Я поняла, что они обусловлены перенаселённостью, хотя я не думала, что такая проблема может появиться у людей, с лёгкостью, и даже, возможно, произвольно мгновенно преодолевающих гигантские расстояния, как я только что видела. Но я так и не услышала, какие именно трудности вы призываете меня преодолеть?

Посетитель замялся. До сих пор он за словом в карман не лез, и Уля приготовилась выслушать уклончивое недостоверное описание. Но она ошиблась относительно уклончивости посетителя. В лучшую сторону. Он сперва затеял дискуссию на тему «а стоит ли вообще рассказывать».

– Мне не хотелось бы до получения твоего согласия вступить в наше общество слишком подробно тебя о нём информировать. Это сведения не для обычных людей, – сказал он. – Я понимаю, что это выглядит немного смешно. Кажется, никаких последствий сообщение таких сведений иметь не может. Ну, допустим, попытаешься ты их распространить, и что? Тебе просто никто не поверит. Даже если бы ты снимала наше посещение вулкана, и если я уйду, не восстановив твою мебель в прежнем виде. Съёмки вулкана ничего не докажут, мало ли откуда ты их взяла, любую мебель можно легко изготовить. Но некоторым из нас, и, боюсь, эта категория довольно многочисленная, смешно не будет. У них, понимаешь ли, мания преследования на тему скрытности. В истории были периоды, когда кто-то из нас открывался людям, изображал богов, пытался руководить и вести к процветанию, но ничем хорошим это никогда не кончалось. Вмешивались другие «боги», тоже желавшие людям добра, и не одобрявшие методов, которые применяли первые, или даже не методов, но каких-то из последствий их применения, пытались воспрепятствовать... Про битву богов и титанов древние греки не на пустом месте рассказывали. Вернее, именно на пустом месте: после этой битвы довольно страшный пейзаж образовался... Неважно, это уже частности. В общем, практику вмешательства давно прекратили. По вашим меркам давно, разумеется, я стараюсь в беседе с тобой применяться к твоему ограниченному восприятию действи-

тельности, в частности, промежутков времени. По нашему восприятию это было совсем недавно. С тех пор не то чтобы кого-то принудительно назначили следить за Землёй, во избежание таких попыток, у нас никакого принуждения нет, но многие делают это добровольно. А с возникновением упомянутых проблем следить стали ещё пристальнее. И мне, поверь, не хотелось бы вызываться добровольцем, если будет формироваться группа расследования факта утечки секретных сведений и принятия мер по этому поводу, включая, скорее всего, чистку памяти, а то и ликвидацию болтунов. Не люблю кого-то убивать, и уж совсем ненавижу вторгаться в чью-то личность. А, с другой стороны, вызваться придётся, чтобы не напортачили ещё больше и ограничились минимальным количеством людей. Нет-нет, в таком случае умыть руки и отстраниться, сделав вид, что я ни при чём, было бы с моей стороны нехорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.